

Евгений Абдуллаев

После «Ариона»

*Арион
не тонет*

*А.Корамыслов
(«Воздух», 2006, № 1)*

Речь пойдет не о закрытии известного журнала.

Об этом, в принципе, и так все высказались. Добрая половина высказываний напоминала известный лубок «Как мыши кота хоронили». До откровенного злорадства, правда, никто не опускался. Прозвучало и много верного.

А я, как всегда, — о погоде. В январском «Знамени» Инна Булкина назвала меня: «Человек с барометром». Спасибо — принято.

Вот и сейчас — я не столько о закрытии журнала, сколько об атмосферных фронтах и климатических изменениях. О глобальном потеплении (или потуплении, если угодно). Каплют и оседают наши прекрасные ледяные дворцы и снежные замки, остаются одни лубяные избушки.

Но начну все-таки с «Ариона».

Нет, как журнал поэзии, он не был единственным — разве что первые десять лет. Единственным он был как воплощение определенной концепции. И не только на фоне прочих поэтических повременных изданий, возникших в нулевые, но и среди литературных журналов вообще.

Каждый журнал обрastaет своими авторами. Печатаемыми если не каждый год, то через. Были они, разумеется, и у «Ариона» — те, кто публиковались в нем с первых же номеров. Александр Кушнер, Олег Чухонцев, Владимир Строчков, Юрий Ряшенцев, Вера Павлова, Олеся Николаева. Чуть меньше, но тоже регулярно — Света Литвак и Лариса Миллер. В конце 90-х добавились Ирина Ермакова и Мария Галина.

Не так уж много, если посмотреть.

Особенно — для журнала, в котором печаталась *только* поэзия (и немного поэтическая критика и эссеистика). В неспециализированных толстых журналах «своих» поэтов уж точно не меньше. Не говоря о журналах поэтических: в «Воздухе» насчитал где-то двадцать пять, потом сбился.

Постоянные авторы создают лицо журнала. Служат для него «группой поддержки». Но есть в этом и потенциальная опасность. Инерция, превращение журнала в набор одних и тех же имен. Пусть и разбавляемых, для разнообразия, новыми («молодыми»). Но в целом — предсказуемость контента процентов на пятьдесят. Где-то — больше, где-то — меньше.

В «Арионе» этой предсказуемости не то, чтобы не было вообще — но делалось все, чтобы свести ее к минимуму. Отсутствовала установка на известные имена.

Мелькнули — еще в девяностые — по одному разу Ахмадулина, Межиров, Пригов. Из ныне здравствующих — Кибиров, Кенжеев, Кутик, Цветков. Из «имен» (условный круг лауреатов премии «Поэт») в «Арионе» стабильно печатались лишь Кушнер и Чухонцев; и Лиснянская (до последних своих дней).

Но и с «именами» в журнале обращались без особого пиетета. Кушнера, скажем, могли совершенно спокойно напечатать в рубрике «Голоса», а в более «престижном» «Читальном зале» — большую подборку малоизвестного (к сожалению) Михаила Калинина. Вообще в «Читальном зале» часто появлялись авторы, в «Арионе» до этого не публиковавшиеся — да и вообще нигде в толстых журналах. Даже Шаргунов напечатался — в первый и последний раз.

Не особенно обхаживались живые классики и полуклассики и в арионовской критике. Могли похвалить — а иной раз и пропесочить. Обнаружить в журнале что-то подобное восторженному: «И вот — живая речь мэтра...»¹ — в «Арионе» было немыслимо.

Печатавшиеся в журнале стихи (и критику) можно было принимать — или не принимать. Спорить по отдельным текстам. Главное, это был журнал не имен, но стихов; утверждавший самоценность поэтической ткани, вне зависимости от степени «заслуженности» самих поэтов, их социальной позиции, принадлежности к тому или иному кругу².

Пастернак как-то сказал, что не существует хороших и плохих стихов, а существуют хорошие и плохие поэты.

Да, у плохих стихотворцев хорошие стихи — редкость. Но у хороших, и даже замечательных поэтов неудачи тоже случаются. Пусть даже на них лежит ответ мастерства, авторского стиля — они не перестают быть неудачами.

Самый частый случай — бесконечный самоповтор, воспроизводство одних и тех же приемов. Либо, наоборот: неуклюжая попытка обновиться. Примерить — через внешнее заимствование — другую манеру, другой стиль.

Наконец, просто слабое стихотворение; даже с техническими проколами, и такое бывает. Никто не застрахован.

Отсюда — и задачи поэтической редакции. Не «править» стихи³; но — отбирать. Отделять удачное от неудачного, а более удачное — от менее. Там, где редакторский глаз отлавливает очевидный прокол, — обратить на это внимание автора.

Пишу вроде бы об очевидном. Но в последнее время — исчезающем до прощальной улыбки Чеширского кота.

Журнал — это не только возможность опубликоваться. И не только — определенная эстетическая позиция и инструмент литературной политики. Это институт редакции и профессиональной экспертизы. И чем журнал менее сориентирован на «имена», тем скрупулезнее в нем работа со стихами. Тем активнее идет работа с авторами.

Редактор поэзии — он же, как правило, и первый читатель. И отзыв его порой более важен, чем публикация. Напечататься сегодня — не проблема, и публикация — давно уже не ступень к Парнасу. А вот получить профессиональный отклик, пусть даже жесткий, — дорогого стоит. Не торопливый фейсбучный комментарий, ни к чему (как

¹ Александр Скидан о Викторе Сосноре («Критическая масса», 2006, № 3).

² Эта «текстоцентричная» идеология журнала оказалась воспринятой даже в далеких от «Ариона» кругах. Например, идея оценка поэтического текста «без учета репутационного давления, без учета социально-культурных статусов поэтов», воплощенная в «Антологии анонимных текстов» (2016). Или радикальное переформатирование в прошлом году премии «Поэт» (вручавшейся с учетом тех самых репутаций и статусов) — в «Поэзию». Которая будет даваться за конкретное стихотворение.

³ О том, что подобная «правка» недопустима, напомнил в январской «Лёгкой кавалерии» Дмитрий Бавильский (<http://cavalry.voplit.ru/january2019>).

почти все в соцсетях) не обязывающий. А отзыв, обеспеченный не только именем, но и тем литературным институтом, который за этим именем стоит.

Само слово «редактор», как известно, восходит к латинскому глаголу *redigo*. Что означало не только «отгонять, гнать прочь», как сообщают разные интернет-словари (и что на своем опыте испытали почти все начинающие авторы). Но и — «направлять, удостоверять, упорядочивать».

В задачи редактора поэзии входит составление не только подборок — еще и сборников. Сегодня поэты составляют их сами. Иногда — очень хорошо; чаще — не очень. Поэтический талант, увы, не всегда предполагает талант составления сборника.

Позволю себе автоссылку — на обзор поэтических сборников 2018 года («Дружба народов», 2019, № 3). Речь, напомним, шла о том, *что* позволяет вырваться талантливым стихам из общего поэтического потока. Что заниматься этим должны поэтическая редакция и поэтическая критика.

Поэтическая критика у нас еще есть. Что касается редакции...

Можно возразить: а поэтические премии? Они ведь тоже осуществляют поиск, называют имена.

Да, и премии. В идеале. Но таких премий у нас нет.

Поэтическая номинация Премии Белого давно уже опыляет только авторов журнала «Воздух» и «НЛО» (иногда с добавкой «Транслита» и «Нового издательства»).

«Московский счет», с его «массовым» голосованием, тоже представляет больше социологический интерес — для исследования «эффекта толпы» в литпроцессе. Из этой же серии, судя по всему, и новорожденная «Поэзия»: 73 члена жюри. Результат, вероятно, будет как и в «Большой книге» (где в жюри аж 108 членов). Выберут нечто консенсусное: то, что отражает этот самый поток, среднюю скорость течения. Впрочем, не хочу «кассандрить», поглядим.

То есть, с одной стороны, премии узко-сегментированные, «тусовочные» (вроде Премии Белого или ее «сиквелов»: «Различия» или Премии Драгомощенко). Здесь поток уже изначально заужен и отцежен, а интригу составляют не имена, а лишь очередность награждения. С другой — премии аморфные, с раздутым жюри или другой голосующей инстанцией. Где ничей отдельный голос ничего не значит — и, следовательно, никто не несет никакой ответственности.

Замечаю, что далеко отошел от «Ариона». Впрочем, как и обещал. Закрывание поэтического журнала — да, не единственного, но *primi inter pares* — обнажило с особой отчетливостью проблемы всего нашего «поэтического хозяйства». Которые журнал «Арион» в меру сил — и довольно эффективно — решал. И в плане представительности современной поэзии. И в отношении профессиональной поэтической редакции. И в плане отзывов. Помню, как в 2003 году я, еще не будучи арионовским автором, получил письмо от Алёхина с откликом на свой первый сборник, оставленный в редакции...

Воспоминаний много — но время для мемуаров пока не наступило. Впрочем, и для ламентаций тоже: делу ими не поможешь. Время государственных литературных проектов завершилось в начале 90-х. Начавшееся тогда же время индивидуальных инициатив — одной из которых был «Арион» — тоже, похоже, близко к завершению. За последние лет двадцать Интернет успел развратить всех: авторов — возможностью бесплатно опубликовать что угодно; читателей — возможностью что угодно бесплатно прочитать. На фоне этого всемирного торжества халявы сама идея серьезного литературного проекта теряет всякий смысл.

Остается только одно. Выпить за успех нашего безнадежного дела, и делать то же, что мы и делали. Работать, писать, редактировать, отзываться. И ждать третьего времени. Когда, возможно, «из пены уходящего потока» возникнет что-то новое.